

Татьяна Тульская

НЕ ПОТЕРЯТЬ ВСЁ

ISBN 978-5-86181-643-4

9 785861 816434 >

Татьяна Тульская

НЕ ПОТЕРЯТЬ ВСЁ

ISBN 978-5-86181-643-4

@ Татьяна Тульская, 2018

Редактор: Юлия Вдовина

Корректор: Оксана Воскресенская

Художник иллюстратор: Надежда Гевара Гарсия

Верстка: Оксана Воскресенская

Оглавление

Здравствуй, сестрёнка	5
Без паспорта и денег	21
Что ты хочешь?	27
Точка невозврата	43
Мальчик-одуванчик	53
За что?	57
Час пик	63
Хруст под ногами	69
Эпилог	77

Здравствуй, сестрёнка

Лето 2017 года. Холодное, дождливое, осеннее лето 2017. Дожди и холод, холод и снова дожди. Дождь с градом или дождь с порывистым ветром. Часто и то, и другое. С наступлением июня горожане смотрели с утра в окна, ожидая летнего тепла, но снова хмуро надевали тёплые куртки, выбегая из домов, спеша по своим привычным делам. В июле пришло странное состояние принятия данной погоды. Люди улыбались, смотря на свои термометры, где отметка по Цельсию не превышала 15 градусов. Зато по Фаренгейту были все 60! Прогнозы погоды стали не просто интересной темой, а предметом шуток и весёлого настроения.

Прошел холодный июль, на смену ему пришел август, и первые по-настоящему тёплые дни стали звать

горожан на природу, на дачи и ближайшие водоёмы. Лето, наконец, вступило в свои права, но слишком поздно. Незаметно прошел август, первые сентябрьские дни порадовали своим теплом, но постепенно, день за днём, лето стало застенчиво отступать, давая место красавице осени. Снова пришли дожди, порывистые ветра уносили последние остатки тепла, нагоняя тяжёлые тёмные облака, которые закрывали собой всё ещё пытающееся пробиться осеннее солнце.

И именно в один из таких дождливых дней, когда по окнам стекали струи холодного дождя, свернувшись калачиком в уютном пледе, взяв блокнот и ручку, я решила написать тебе, сестра моя, это письмо. Мы давно не созванивались. Давно не встречались. Мы всё время спешим, боимся не успеть, опоздать. И в результате: «Завтра позвоню, завтра напишу», — успокаиваем мы себя. Но, как по замкнутому кругу, всё повторяется вновь и вновь.

Мне хочется писать тебе искренне, с любовью, вспоминая дни, когда мы жили с родителями. Что-то ты вспомнишь, а что-то узнаешь от меня впервые. Раньше, когда мы жили вместе, ты любила разговаривать со мной, маленькой своей сестрёнкой. Ты делилась своими радостями, победами и печалью. А я любила слушать тебя. Ведь ты доверяла мне, маленькой девочке, свои секреты. Секреты старшей сестры. Ты знала, что я могу выслушать; слушая, не возражать и, самое главное, понять тебя. Ты научила меня быть искренней. Именно поэтому, держа сейчас ручку и этот блокнот, буду искренне писать тебе, моя любимая сестра.

События 1972–1975 гг.

Как же я люблю вспоминать наше беззаботное детство! Сколько времени проводили мы вместе, играя в прятки в траве на бугре, который находился рядом с нашим девятиэтажным серым домом. Как же мы любили этот бугор! Трава там высокая, есть где спрятаться. Ты меня ищешь, а я убегаю в заросли ковыля и не просто прячусь, вжимая голову в плечи, а словно замираю, стараясь дышать как можно тише.

От такой тишины вокруг невольно прислушиваюсь к жужжанию шмеля, который медленно пролетает мимо меня к душистому жёлтому цветку. «Это — донник», — рассказывал мне папа. Вон в траве прыгает кузнечик, смешно оттопырив задние лапки. Вот он запрыгнул на ромашку и словно застыл на ней. От дуновения ветра цветок начинает раскачиваться. Но это не пугает смельчака. Кажется, что кузнечику нравится сидеть на этой ромашке и вместе с ней раскачиваться из стороны в сторону, смотреть, что там наверху, далеко-далеко.

Моей ноге становится щекотно. Отвожу взгляд от кузнечика и вижу, как по ноге бежит муравей. Осторожно трогаю его пальцем. Он пугается и начинает метаться в разные стороны, ища спасения. Стряхиваю его и снова прислушиваюсь к летнему шуму. Подул ветер, трава зашелестела и, как морская волна, стала раскачиваться из стороны в сторону.

«Ага! Попалась!» — слышу твой радостный голос, и вместе с ним исчезает красота летнего луга. Да, попалась. Теперь я, считая до двадцати, буду искать тебя, моя сестрёнка. Мне будет тяжело пробираться сквозь эту высокую траву, чтобы найти тебя. Раздвигая руками ковыль, медленно, шаг за шагом, буду ходить в поисках

тебя. Покусанная комарами, в ссадинах от колючек громко заплачу, не желая дальше играть в прятки. Ты победила. Окажется, что ты была совсем рядом. Нужно было только обернуться, чтобы найти тебя. Ты обнимаешь меня, вытираешь мои горькие слезы и убеждаешь, что в следующий раз водить будешь только ты. Но водить всё время одному человеку неинтересно. Ты просишь меня только один раз поискать тебя, и, как и в прошлый раз, твоя несчастная покусанная сестра навзрыд сообщит, что игра окончена...

С наступлением зимы наш любимый бугор притягивал нас заснеженными склонами. Всей детворой мы строили большие снежные лабиринты. По крайней мере, мне, маленькой девочке, они казались просто огромными. С утра до вечера мы могли бегать среди них, бросая друг в друга снежками. Как же было несправедливо и обидно, когда мои маленькие, рыхлые снежки не долетали до мальчишек. А их большие, плотно слепленные, больно били по моей шапке.

А сколько снеговиков родилось и растаяло на нашем бугре! Рыхлый снег скрипит под ногами. Иду по нему, толкая вперёд снежный ком. Вначале он маленький, может спрятаться в моих пушистых варежках. Но вот, шаг за шагом, движение за движением, снежный шар начинает расти. Идти и толкать вперёд снежный ком всё труднее и труднее. Но я продолжаю двигаться, оставляя за собой утрамбованную дорожку, в которой кое-где начинает показываться замёрзшая земля. Наш бугор уже не пустынное место. Теперь на нём будет жить наш снеговик. Большой, из чистого белого снега. А вечером, замёрзшие, но счастливые, мы шли с тобой домой, чтобы прильнуть к холодному окну и смотреть на нашего снеговика. Кругом всё бело от снега. Снеговик сливается с сугробами. Но морковка-нос яркой

точкой выделяется среди белого, мерцающего под зимней луной фона.

Но больше всего мы с тобой любили скатываться с нашего бугра на санках. Твои были без спинки, и тебе нравилось, лежа на них, разгоняться руками и мчаться к подножию этого бугра. Мне же нравились санки со спинкой. Не торопясь, садилась я в них, отталкивалась и заворожённо смотрела, как всё быстрее и быстрее несусь вниз. В своих детских фантазиях я представляла, что сижу в саниах, запряжённых красивой лошадкой. Моя лошадка мчится быстро. От скорости начинает захватывать дух. Ветер со снегом летит в лицо. Радость, смех, восторг — всё смешивается в этом полёте, и тут резкое торможение в снег, мои санки останавливаются. Но в мыслях, всматриваясь вперёд, я всё ещё лечу на них так далеко, как могут видеть мои глаза. После медленно поднимаюсь, беру верёвку от санок, словно это уздечка, и снова веду свою «лошадку» к вершине горы.

А наши любимые качели? Часами могли мы смотреть, высоко взлетая на шатких детских качелях, как движется небо над нашими головами. А помнишь, как мы решили прыгнуть с них на спор, кто долетит дальше? Дальше, конечно же, прыгнула ты. Ну а я... я больно упала и с разодранными коленками горько плакала обиженными слезами. Ты меня успокаивала, как могла, но в твоих глазах я видела радость победы. Как ты ни пыталась это спрятать, у тебя, сестрёнка, это не получилось. Ох, и злилась я тогда на тебя, и ещё сильнее вырывались из моих глаз горькие слёзы.

А ещё мне хочется поделиться с тобой другим воспоминанием (об этих переживаниях ты не знаешь). Когда ты стала взрослее, летом родители отправляли тебя в лагерь. Атмосфера проводов была торжественной и праздничной. Вереницы автобусов с красными флаж-

ками, счастливые лица детей, обнимающих родителей, и спешащие к детям вожатые, в свой отряд. Вдали стоящий огромный грузовик, доверху заполненный детскими чемоданами. Раздавался горн, и эта торжественная колонна начинала своё медленное движение. Из открытых окон автобусов дети радостно махали родителям и на их просьбу «пиши» утвердительно кивали головами. Когда ты уезжала, мы с мамой очень любили читать твои письма. Вернее, читала мама, а я слушала, затаив дыхание, представляя тебя сидящей у костра или весело марширующей вместе с отрядом на линейку. Слушала и завидовала тебе, моя взрослая сестра.

В то время я была маленькой четырёхлетней девочкой, и до лагеря мне было расти и расти. Поэтому родители увозили меня в деревню, где, как говорила мама, я «пила полезное коровье молоко, ела деревенские яйца и дышала свежим воздухом».

Как ты помнишь, наша деревня находилась рядом с рекой Окой. В те далёкие семидесятые годы от Каширы до Серпухова ходил пассажирский катер «Заря», развозя людей по сёлам и деревням. Два часа в одном направлении и два часа обратно. Чтобы преодолеть такое большое расстояние за короткий промежуток времени, нужен был быстроходный катер. И именно «Заря», как никто другой, мог справиться с такой задачей. Когда он проносился по реке, волны от него были просто огромные. Ну, по крайней мере, так раньше мне казалось.

В один из жарких летних дней мы с родителями загорали на берегу. На моей голове была надета белая хлопковая панамка. В пухлых ручонках я держала детский совочек и железное ведёрко. Каким же это было увлекательным и забавным занятием — играть у берега Оки. Наполняешь ведёрко мокрым речным песком, оно становится всё тяжелее и тяжелее. Вот уже маленькие руч-

ки не могут удержать его. Переворачиваю своё ведёрко и с любопытством смотрю, как речной песок снова погружается на дно, и только мелкая рябь идёт от этого места. Ведро снова пустое и лёгкое. А вокруг столько мягкого песка. Совочек так и тянется к нему. А вот и катер показался вдали. Люди, отдыхающие на берегу, повернули головы на звук приближающего быстрогохода. Быстро, очень быстро он прошёл мимо нас, и почти все, кто был на берегу, с радостными возгласами вбежали в воду. Ох, ну и волны шли от катера! В накат, всё сильнее и яростнее волна за волной ударялась о берег. А люди... Восторг, смех, крики — всё смешалось в расстроенной реке.

И вот эти волны стали приближаться ко мне, маленькой девочке, с наполненным песком ведёрком и совочком в руке. От первых волн меня слегка закачало, но, не убегая, как замороженная, я продолжала смотреть на приближение большой волны, не чувствуя никакой опасности. Волна приблизилась быстро и, словно слизнув меня с берега, накрыла собой, увлекая в пучину реки. Белая панамка, совочек и ведёрко — всё было поглощено бушующей водой вместе с маленькой девочкой. «Как больно!» — это то, что я почувствовала, сестра моя, в первые секунды. Речная вода проникала в моё детское тело отовсюду, вызывая резкую боль. Не было рук мамы, которая убрала бы эту боль, защитила и помогла. Не было папы, который бы поднял меня высоко-высоко над этой водой. В тот момент я была абсолютно одна. Сейчас мне сложно описать тебе всё, что я тогда почувствовала. Но, наверное, это и не нужно. Не знаю, сколько это длилось по времени, но помню, что наступил момент, когда боль стала просто невыносимой. И что можно было сделать тогда, как не смириться с неизбежным? Я перестала сопротивляться водной

стихии и в тот самый момент увидела Свет, который стал медленно приближаться ко мне. И чем ближе Он был, тем легче становилось моему телу. Боль постепенно прошла, и на смену ей пришла удивительная лёгкость. Было ощущение, что от Его присутствия всё, что убивало меня, уходит. Этот Свет наполнил собою всё. Казалось, что само солнце опустилось в реку. Как же было прекрасно находиться в этом Свете! Не было ни боли, ни страха. Покой, радость, счастье, блаженство — даже не знаю, как описать тебе моё состояние в тот момент. Если ты спросишь меня, думала ли я о маме, скажу честно: «Нет». Тогда мне хотелось только одного — находиться в этом Свете и не уходить от Него.

Да, и ещё. Забыла тебе сказать, какие красивые камушки были на дне реки. Вспомнила ли я тогда о своём ведёрке, чтобы положить в него эти камни? Не помню. Но что я точно помню, они были очень красивые. Свет, в котором я находилась, касался и этих камней. И они переливались так, как если бы это были драгоценные камни самой высокой чистоты. И вдруг всё это исчезло, и наступила полная темнота.

Прошло не так много лет, я подросла, и мама со слезами на глазах вспоминала о том дне, когда я тонула. Как оказалось, какой-то мужчина увидел, как маленькую девочку поглотила волна, и бросился её, т.е. меня, спасать. Из маминого рассказа я узнала, что когда этот человек всё-таки подхватил меня под водой и вытащил на берег, то тут же стал делать искусственное дыхание. По словам мамы, воды из меня вышло очень много. Кто был этот ангел-спаситель, не знаю. Но благодаря этому человеку я продолжаю жить, моя любимая сестра, и сейчас пишу тебе это письмо.

«А что после той встречи со Светом?» — спросишь ты. Четырёхлетний ребёнок вряд ли имеет хоть какое-

то понятие о Боге, о жизни после смерти. Он вообще о смерти не думает. И я в свои детские годы об этом не думала. Всё, что произошло тогда, на дне реки, для меня было уверенностью, что это так ярко светило жаркое летнее солнце. Что его лучи пробились сквозь толщу воды, освещая дно. Только намного позже мне случайно попала в руки книга Моуди «Жизнь после жизни». И читая её, я словно заново пережила тот момент и наконец поняла, что это был за Свет и что в действительности произошло тогда со мной.

Не знаю, может, именно этот случай невольно отразился на всей моей дальнейшей жизни. Ты же помнишь, я постоянно была в поиске чего-то, что имеет смысл жизни. Ведь мы живём не просто, чтобы есть, пить, учиться, родить детей и научить их есть, пить и дать им образование, чтобы и они тоже... И так по бесконечно пустому, не имеющему никакого смысла кругу.

Ты любила повторять, что смысла жизни нет. Есть сама жизнь. Есть человек, который создаёт вокруг себя свой мир, своё окружение, свои интересы — т.е. всё то, в чём ему комфортно и удобно. Я не соглашалась с тобой и продолжала свой поиск. Как же мне было интересно всё, что было за гранью естественного! Этот мир пленил, увлекал. Я искала единомышленников, тех, кто также ищет или уже нашёл то, ради чего стоит жить.

События 1985–1990 гг.

Ты же помнишь мою подругу Людмилу? Несколько раз она была у нас в гостях. Тебя ещё рассмешили наши шпаргалки, исписанные мелким почерком. Он был настолько мелкий, что ты, смеясь, сказала, что если учителя не увидят шпаргалки, то уж лупу, которой мы будем пользоваться, чтобы их прочитать, точно увидят.

Одна из шпаргалок выпала из твоих рук, и смех сменился удивлением. Это была не просто длинная шпаргалка, она была длиннющая. Мелкая узкая гармошка, превратившаяся в исписанную полоску длиной в несколько метров. «Девочки, — сказала ты тогда голосом строгого учителя. — Гораздо проще было бы выучить предмет, чем столько времени тратить на эти шпаргалки». Мы согласились с тобой, но меня распирало чувство гордости, что ты оценила наш труд.

У Людмилы была очень интересная мама. Звали её Светлана Павловна. Я не случайно назвала её «интересная», потому что этот человек стал для меня примером во всём. Это была молодая женщина лет сорока, невысокого роста, слегка полноватая, с копной вьющихся русых волос. Глаза у неё были необыкновенные. И дело не в цвете или форме. Они были понимающими. Когда она слушала меня, эти глаза были сочувствующими, иногда улыбающимися. Часто интересующимися и всегда понимающими. Для меня, гадкого утёнка в страшном переходном возрасте, этот человек стал кумиром. Когда наступали выходные дни, я всегда старалась прийти к подруге в гости. Как только представлялась хоть малейшая возможность, вваливалась к ним домой и уходила, когда уже оставаться было неприлично.

Так как мой кумир увлекался всем паранормальным и сверхъестественным, неудивительно, что я безоговорочно разделяла и впитывала в себя всё, чему меня учила и что рассказывала Светлана Павловна. Мне было интересно всё неизведанное, сокрытое от простых людей. И, конечно же, хотелось делать всё, чтобы мой кумир оценил моё почитание и уважение.

Сколько раз ночью ты просила меня, сестрёнка, не печатать на машинке. Тебе нужна была тишина, тебе надо было выспаться, чтобы утром встать и убежать на

работу. А я держала в руках «сокровище», данное мне на время. Это были прошитые ксерокопии книг по хиромантии, хатха и раджа йоге, гороскопы и т. п. Чтобы не мешать твоему сну, находила в этих листах схемы, линии и начинала их трепетно срисовывать. Всё то время я печатала и изучала. Изучала и снова печатала. Да, всё это было новым, необычным. Но всё чаще я ловила себя на мысли, что оно не давало той жизни, с которой я встретилась тогда под водой.

Спасибо, что все эти годы ты не вспоминала ту неловкую ситуацию, в которой я оказалась, когда ты пришла со своими друзьями домой. Это был предновогодний зимний вечер. Я была дома одна, сидела на полу, обёрнутая белой простыней, обставленная свечами, и читала нараспев мантры. Неожиданно дверь открылась, и вы с друзьями вошли в нашу квартиру. От мороза ваши лица были раскрасневшимися и весёлыми. Вы что-то громко обсуждали, но когда наши глаза встретились, все замолчали. Слова мантр застыли у меня в горле. Наступила неловкая тишина, и чтобы как-то спасти ситуацию, ты произнесла: «Моя сестра ищет смысл жизни. Не будем ей мешать». И с этими словами чуть ли не вытолкала всех к лифту, закрывая за собой дверь. Когда вы ушли, я переоделась, сняв с себя смешную белую простыню. Задула свечи и выбросила их в ведро. В комнате стояла гнетущая тишина, и только воздух был наполнен ненавистным запахом потухших свечей. Открыв окно, подставила своё красное от смущения лицо навстречу холодному пронизывающему ветру, пытаясь справиться с учащённым сердцебиением. На этом мой опыт с чтениями мантр был закончен.

Мой кумир с понимающими глазами всё ещё оставался моим кумиром. По-прежнему, как губка, я впитывала всё, что она мне говорила. Но однажды ученица

не послушалась своего учителя. Как ты помнишь, через два-три месяца после моей истории с мантрами я сломала ногу. Банальное падение — картонка, положенная на кафельную плитку у входа в подъезд. Итог — закрытый перелом левой ноги со смещением кости. Ох, и намучились вы со мной тогда! Спасибо, спасибо, спасибо за каждый день, когда ты заботилась обо мне! В первые дни после перелома стоять на одной ноге, даже если ты на костылях, просто невыносимо. Здоровая нога некоторое время терпит непосильную нагрузку, потом начинает трястись и отказывается одна держать всё тело. Только через несколько дней она крепнет и начинает работать за себя и «за того парня». Но до этого момента надо было дойти, точнее сказать, допрыгать. И в такие моменты вы с папой и мамой всегда были рядом. Там, где нельзя было присесть, вы буквально несли меня на руках. А сколько раз вы с улыбкой и любовью отвечали на мои «принесите, дайте, помогите». За всё то время вы ни разу не ответили мне грубостью или отказом.

В один из вечеров мне позвонила Светлана Павловна. «Телепатически я вижу, что врачи наложили гипс неправильно. Нога плохо срастётся. Гипс надо снять», — безапелляционно заявила она мне по телефону. Сейчас это кажется смешным, но в тот момент во мне началась борьба. Как поступить: послушаться моего кумира и заработать ещё один бонус? И какой бонус! Или же довериться врачам? Да, мне уже надоело ходить на костылях. Тем более, что ходила не только дома, но и ездила в институт. Третий курс Института Связи — это серьёзно. Не хотелось терять год. Поэтому даже в то время старалась не пропускать лекции. «Светлана Павловна, нет», — робко ответила я. «Ты мне не веришь?» — услышала её то ли удивленный, то ли разочарованный голос. Что я могла ответить в тот момент? Сказать правду, что

не верю? Сказать, что и великие гуру могут ошибаться? Что это — моя нога, а не её? Что если она ошибается, то рискую остаться хромой я, а не она? Ответила, что ничего не хочу трогать, и стала в глазах моего кумира простой смертной.

Наконец настал тот день, когда мы поехали снимать гипс. Ты тогда сказала, что нужно взять с собой костыли. «Зачем?» — удивление отразилось на моём лице. Последнее время я прекрасно передвигалась. Да, в гипсе, да, медленно, НО без всяких не то что костылей, даже без палочки! Чем, кстати, очень гордилась. А тут ты говоришь про костыли. Не обращая внимания на мои возражения, с невозмутимым лицом ты взяла в руки костыли и поехала со мной в травмпункт. Когда мы благополучно доехали, я вошла в кабинет, а ты осталась в коридоре. Врач, молодая женщина, долго рассматривала гипс, переворачивая мою ногу в разные стороны. Если ты помнишь, он был очень толстый. Т.к. перелом был со смещением, пришлось накладывать гипс в несколько слоёв, чтобы кость нормально срослась.

Всегда с улыбкой вспоминаю один момент. Молодая женщина пытается разрезать мой гипс. Она сжимает ножницы со смешным закруглением на концах, с силой надавливая в одном и том же месте. Но всё безрезультатно. Врач пытается разрезать гипс в другом месте, но он держится на ноге мёртвой хваткой. В кабинете тишина, слышно только тяжёлое дыхание молодой женщины, сражающейся с упрямым гипсом. Победа остаётся за последним, и тогда она уходит за подмогой. Минут через пять в кабинет приходит мужчина, с крепкими руками и, судя по всему, такими же крепкими нервами. Врач протягивает ему ножницы. С невозмутимым лицом мужчина берёт инструмент и пытается разрезать мой гипс, но у него не получается продвинуться

хотя бы на сантиметр. Отбрасывая эти ножницы, он берёт другие, по размеру раза в два больше прежних. Следуют новые попытки. И если вначале этот мужчина с небрежной ухмылкой сквозь свои густые усы смотрел на меня и молодого врача, то теперь, весь покрасневшийся, сосредоточенно пытался разрезать непобедимый гипс. Ну и испугалась же я тогда!

«А вдруг они так и не смогут разрезать мой гипс, и придётся жить с ним всю жизнь?!» — в голову лезли печальные мысли. И когда я уже нарисовала в своём воображении весь ужас моей дальнейшей жизни с этим гипсом, как по волшебству, этот врач развернул его, и нога снова стала свободной. Моя нога, худенькая, слабая. И пальчики на ногах такие же худенькие и бледные. Все мои пять пальчиков. И я начала их бережно считать, начиная с большого: «Один, два, три, четыре... А где пятый?» Снова, уже с чувством тревоги, повторила счёт: «Один, два, три, четыре». Пятого пальца, моего мизинчика, не было. «А где мой палец?» — с трепетом в голосе спросила я у врачей. Они повернулись ко мне одновременно и посмотрели на меня, как на ненормальную. Не знаю, что каждый из них подумал в тот момент, но они стали считать мои пальцы: «Один, два, три, четыре, пять». У них всё сошлось. Вслух я снова начала считать свои пальцы, чтобы они поняли, что я их не обманываю и с головой у меня всё в порядке: «Один, два, три, четыре». Пятого пальца так и не было. Усатый врач от смеха дёргал своими усами (или же усы дёргались от его смеха?). В тот момент мне было всё равно. Он смеялся, а мне не давал покоя вопрос: «Где мой мизинец? Высох, отвалился? Может, он в отрезанном гипсе?» Молодая врач взяла мою руку и медленно стала водить по каждому пальцу на ноге: «Один, два, три, четыре и... пять!» Ура, я нашла своего потеряшку. От долгого хождения в

гипсе он стал настолько маленьким, скрюченным, словно вжавшимся в ногу. Он был не таким, каким я его помнила. Поэтому и не могла его найти.

Ура! Гипса нет, все пальцы на месте. И, конечно же, сестра, как мне пригодились костыли! Гипс был снят, но переломанная нога ещё была слишком слаба, чтобы на неё можно было опираться. Помню, мы дошли до выхода, ты вызвала такси, и так мы вернулись домой.

Когда в нашей жизни ничего не меняется, мы живём, не задумываясь. Это как плыть по течению. Есть своё расписание, свои планы, свои желания. И нет ничего, что может помешать этим планам и мечтам исполниться. До того момента, пока не происходит сбой в чём-либо. Для меня этим сбоем был перелом ноги. Да, это было временно. Да, всё было под наблюдением врачей. Да, я была окружена любовью близких людей. Но это всё равно заставило остановиться и задуматься.

И я помню летний вечер. Было тепло, уже стемнело, я лежала на диване. Все переживания после перелома прошли. Гипс сняли, все пальцы были на своих местах. Уже можно было опираться на ногу и, не торопясь, ходить по улице. Было сложно спускаться по ступенькам, но процесс заживления шёл нормально, и я знала, что рано или поздно и в этом придёт восстановление. Но почему-то в тот момент мне стало так жалко себя, и из сердца вырвалось: «Господи, за что? Почему Ты допустил, чтобы я так прожила эти три месяца?» Невольно накатили рыдания, и слёзы одна за другой побежали по щекам. «Господи, ведь я такая хорошая, — был довод в свою защиту. — Я веду правильный образ жизни. Старюсь делать добрые дела. Тогда почему, за что?» Это были искренние слова, сказанные не с целью упрекнуть Бога, а из-за непонимания, ПОЧЕМУ? И сквозь слёзы я увидела образ Бога. Именно образ, сестрёнка. Потому

что не могу сказать, как выглядит Его лицо. Я понимала, что у этого образа есть губы, нос, глаза. Есть само лицо. Но я этого не видела. Было видно только выражение глаз, которые были исполнены любовью и состраданием ко мне. Больше всего меня потрясло, когда я увидела эти глаза, что Его боль и переживание за меня были гораздо большими, чем мои собственные. Т.е. моё переживание за саму себя было ничтожным по сравнению с тем, как Он переживал за меня. Было видно, как Он хочет мне помочь, но какая-то невидимая преграда стояла между нами. Из-за неё Господь не мог пройти и помочь мне. Слезы высохли. Осталась только странная смесь чувств: удивление, непонимание, восторг и, конечно же, вопрос: что это за преграда? Но все равно была радость, что Он рядом, и я не одна. И я, находясь в таком состоянии, погрузилась в глубокий сон.

Отче наш, Сущий на небесах!

Я прихожу к Тебе в этой молитве и открываю пред Тобой своё сердце. Ты знаешь всю мою жизнь. Все мои дела и поступки. Ты есть Свет, который просвещает всякую тьму. Прошу, войди в мою жизнь Твоим светом. Учи меня, как молиться и доверять Тебе каждый день моей жизни.

Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Без паспорта и денег

События 1975–1980 гг.

Как же мы любили с нашей семьёй путешествовать! Незнакомые города. Они другие. Другие улицы, другие здания. Для меня это был словно новый мир. С восторгом и восхищением часами мы могли гулять по извилистым улочкам неизведанного города, то еле успевая переставлять ноги, которые словно бежали вниз, то медленно, тяжело дыша, поднимались к какому-либо зданию, находящемуся на возвышенном месте. После таких путешествий оставались прекрасные воспоминания и добрые друзья.

Когда мы слышали от родителей заветное: «Девочки, собирайтесь. Через несколько дней мы поедем в город

Н», то с этого момента начинали паковать чемоданы, мечтая о поездке. Когда долгожданный день наступал, родители и две счастливые девочки с радостным восторгом ехали на вокзал. Там завораживало буквально всё: длинные вереницы вагонов, паровозы, издающие то долгий протяжный гудок, то шипение. Вдоль перрона спешащие люди, несущие в руках свой багаж. Они внимательно считают нумерацию вагонов и, найдя свой, останавливаются возле проводников, опустив на платформу вещи, отдышавшись, начинают доставать билеты и паспорта. Мне нравилось всматриваться в лица вожатых. Сейчас их взгляд строг. Эмоции застыли. Внимательно проверяя документы отъезжающих, они осматривают каждого пассажира. Пройдя их зоркий контроль, попадаешь в своё купе.

Наше купе. Маленькая уютная комнатка, пропахшая запахом дорог и путешествий. В нём мы будем жить целые сутки. Сутки! Как это здорово! Под стук колёс смотреть в окно, видя, как проносятся мимо город за городом, село за селом. Любоваться пробегающими разноцветными полями, раскачивающимися деревьями, словно машущими нам вслед, и сверкающими от солнца реками.

А ночью... Как же я люблю это время в поезде! Когда становится совсем темно, замороженно всматриваться вдаль, в ночную тьму и ждать, когда мы будем проезжать дома. Там всегда горит свет. Ночное купе сразу оживает. Огоньки начинают скользить по стенам, по потолку. Тени от этого света отражаются и на наших лицах.

Свет в домах. Там тепло, уютно. Невольно начинаешь думать, что сейчас делают люди в этих домах. Представляю уставшую молодую женщину, которая домыкает посуду. В кухне слышно потрескивание и шипе-

ние. Это её муж, сидя рядом за большим деревянным столом, настраивает приёмник, ища нужную волну. В избе их дети, сидя на широкой кровати, смотрят телевизор. Представляю свои любимые мультики и мысленно присоединяюсь к детям в избе, вместе с ними наслаждаюсь просмотром. А в маленькой уютной комнатке в глубоком кресле сидит старушка. Свет ночника, висящего на стене, падает на её седые волосы, от чего они кажутся золотыми. Взгляд в очках сосредоточен на спицах, которые она держит в руках. Она вяжет. Вяжет с любовью и терпением. Тишина. Лишь слышны часы. Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так. Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук. И под стук колёс неожиданно для себя засыпаю.

Больше всего я не любила в поезде утро. Приезжали мы всегда очень рано. Как же не хотелось просыпаться, покидать тёплое уютное купе! И вот мы снова на перроне. Вокзал другого города. Кругом чужие лица. Такие же не выспавшиеся, как и я. Мы приехали. Папа с мамой своими улыбками подбадривают нас, берут часть наших вещей, и мы все идём вдоль платформы. Наш поезд, с полюбившимся мне купе, всё быстрее и быстрее начинает проноситься мимо нас, и вот вдали остаётся лишь смутное очертание последнего вагона.

Сестрёнка, обращала ли ты внимание на людей на перроне? Я имею в виду то, что у них в руках. Когда я подросла и стала носить чемоданы сама, ох, как же мне стало интересно смотреть, как с этим справляются другие люди. Когда чемоданы большие и их много — сразу понятно, что человек приезжает надолго. Ему тяжело их нести. Кто-то медленно, с трудом дыша, движется к выходу, неся то в одной, то в другой руке тяжёлую кладь. Кто-то, убыстряя шаг, проносит свой тяжеленный чемодан вдоль платформы, ставит его, чтобы от-

дышаться, и снова начинает непосильное движение. Интересно смотреть на тех, кто оказался в городе проездом. Их лёгкие кейсы или дипломаты, кажется, можно удержать одним пальцем. Хотя бывают и исключения. И это исключение — я. Даже если мы уезжали на один-два дня, мне надо было взять с собой всё. Когда ты входила в мою комнату, чтобы сказать, что мы уезжаем, не один раз твои глаза расширялись от увиденного. Маленькая девочка стоит в окружении сумок, свёртков, пакетов и, конечно же, незакрывающегося чемодана. Ты с внимательным видом начинала спрашивать о каждой вещи, для чего она мне нужна. Я пыталась тебе доказать, что именно без этого мне никак не обойтись. Можно не взять что-то другое, но именно ЭТО мне ну очень нужно. Ты показывала на другую вещь, и мои искренние аргументы повторялись снова и снова. Тяжело вздыхая, ты брала всё это и молча выносила к порогу. Когда в коридор входил папа, своим взглядом ты показывала ему, что вопрос уже решён. Весь путь на вокзал вы с папой, вспотевшие и усталые, несли не только свои, но и мои очень важные вещи. Сестрёнка, честно пишу: каждый раз, видя, как тебе тяжело, обещала себе в следующий раз взять только самое необходимое. Но что поделаешь, если каждый раз «самое необходимое» не умещалось в одном чемодане!

Сейчас, став взрослой, думаю вот о чём. Когда мы, люди, куда-то собираемся уехать, то даже если это небольшая поездка, мы всё равно смотрим, какая там будет погода. Берём всё нужное, учитывая дни пребывания в той местности. Согласись, было бы глупо, купив билет в незнакомый город, выйти из дома в домашней одежде без паспорта, денег и сесть в поезд. Здравомыслящий человек продумывает всё до мелочей. Почему же мы, живя здесь, не задумываемся о том, что рано или

поздно нам придётся уйти отсюда? Почему мы не готовимся к этому? Почему так старательно готовимся к поездке на несколько дней, недель или месяцев и так беспечны к тому, где будем проводить вечность? Думала ли ты об этом, сестрёнка? Пусть вскользь, пусть иногда? Жизнь прекрасна. И я желаю, чтобы каждый день ты наслаждалась этим. Но наступит день, когда нам придётся выйти из дома без паспорта и денег и отправиться в вечность...

Отче Наш, Суший на небесах!

Ты тот, кто создал Вселенную, и Ты управляешь вечностью. Спасибо за каждый день, прожитый на Земле. За то, что Ты, Господи, всегда хранишь меня. Прошу, Боже, дай сердце, ищущее Тебя. Ищущее Твоих путей. Не дай со страхом думать о вечности. Я доверяю Тебе свою жизнь здесь, на Земле. И я признаю Тебя, Иисус, Господом для своей жизни здесь и там, в вечности!

Я молюсь во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Что ты хочешь?

События 1982–1983 гг.

«Приходит к Нему (к Иисусу) прокажённый и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умило-сердившись над ним, простёр руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься! После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист».

*(Новый Завет, Евангелие от Марка,
глава 1, стихи 40–42).*

Помнишь, ты пришла домой и застала меня плачущей, стоящей на коленях у окна. Ты удивлённо посмотрела на меня, потом, когда я вскочила с колен, сделала

вид, что ничего не заметила и пошла в свою комнату. Каждый раз, видя мои странные и неожиданные поступки, ты, моя любимая сестра, старалась понять или сделать вид, что не заметила ничего. Вспоминаю об этом, и моё сердце наполняется благодарностью к тебе.

Если бы ты знала, какой глупой и детской молитвой я тогда обращалась к Богу. Я училась то ли в седьмом, то ли в восьмом классе. Точно не помню. Учителя в нашей школе были разные и по возрасту, и по характеру, и по отношению к нам, ученикам средней школы. Кого-то мы искренне любили, кого-то боялись, а к кому-то относились «никак» и убегали всем классом с их уроков. Неоднозначные чувства вызывала только учительница русского языка и литературы. Это была женщина лет 60-ти. Достаточно полная, среднего роста, с зачёсанными назад седыми волосами, уложенными в большой тугой пучок. Почему-то, глядя на неё, я думала, что будет, если распустить эти волосы? Станет ли её лицо мягче, добрее? Или же всё равно на тебя будет смотреть человек с узкими, пронизывающими глазами, видящими насквозь? Именно такой я и запомнила нашу Людмилу Андреевну.

Когда шли уроки русского языка, даже не знаю, что больше — боялись мы её или ненавидели. Мне кажется, что это была смесь этих чувств. Это был очень жёсткий, требовательный учитель, который добивался того, чтобы наш родной русский язык со всеми падежами, антонимами и деепричастными оборотами мы знали досконально. В классе должна была быть идеальная тишина и порядок. Если кто-то громко перелистывал страницы учебника или что-то громко доставал из портфеля, оценка «два» была обеспечена.

Однажды практически весь класс провалил контрольную работу. Только три счастливица получили

положительные отметки. Нам была поставлена задача за выходные дни выучить все правила. Скорее всего, дело было весной, потому что мы должны были выучить весь учебник, от корки до корки. И вот настал судный день. Людмила Андреевна собрала нас в классе после уроков. Мы сели за парты, и она начала задавать вопросы, смотря на нас своим пронизывающим, строгим взглядом. Когда задавался вопрос по какому-либо правилу, весь класс, как по команде, должен был поднять руку, и учительница выбирала любого, чтобы тот ответил на поставленный вопрос. Если кто-то из учеников не поднимал руку, то ему приходилось покидать класс с отметкой «два» до следующей пересдачи. Если ученик отвечал неверно, его ждала та же участь. До сих пор мне кажется, что этот урок длился вечно. Единички продержались до конца и сдали этот экзамен. Я была в их числе, сестрёнка! До сих пор считаю это одной из побед в своей жизни.

Но когда Людмила Андреевна вела уроки литературы, мы, как замороженные, слушали её. Не знаю, откуда она брала столько информации по каждому писателю или поэту, но рассказывала она так, словно только вчера разговаривала с ним и была близким родственником каждому из классиков. Мы ждали этих уроков. Для нас это был не просто урок литературы. Это был мир, где оживали писатели. Перед глазами проходила их жизнь. Мы словно переносились в те дни, вместе с ними проживая их победы и радости. Их боль и разочарования. День за днём, год за годом, событие за событием. И с каким интересом мы начинали читать произведения тех авторов, о которых так ярко, живо и интересно рассказывала наша учительница.

И вот однажды мне позвонила одноклассница и сказала, что у Людмилы Андреевны в школе поднялось

высокое давление. «Она ослепла, и её увезли в больницу», — бойко сообщила подруга и повесила трубку. Наверное, последний урок, который Людмила Андреевна у нас провела, был всё-таки литература, потому что мне так искренне стало её жалко! Помню, что встала тогда на колени и начала молиться за Людмилу Андреевну. Если не ошибаюсь, это была моя самая первая молитва к Богу. Но о чём я просила? Даже сейчас улыбаюсь, вспоминая. Я говорила: «Господи, пусть Людмила Андреевна видит. Возьми часть моего зрения, но дай ей. Пусть ей вернётся зрение». Вот именно в тот момент ты и увидела меня, сестрёнка.

Как ты знаешь, зрение моё и сейчас хорошее, а это означает, что Бог мудр и не всегда делает то, что мы просим. Хотя, знаешь, Людмила Андреевна выздоровела и снова начала вести уроки нашей любимой литературы и ненавистного русского языка. Может, Бог всё-таки ответил? Только не так, как я просила.

События 2000–2001 гг.

Самый яркий пример того, что Бог слышит и отвечает — это рождение моей младшей доченьки, Леси. Когда родился первенец Андрей, твой племянник, это было одновременно и радостно, и тяжело. Ох, сколько забот возникает с маленьким существом! Он — кроха — лежит, запелёнатый, но вокруг него столько хлопот. Перепеленать, накормить, искупать, погулять и самое сложное — успокоить. Не знаешь, что ему надо, когда он плачет. То ли голоден, то ли надо сменить памперс, то ли это газики, то ли ему холодно, то ли ему жарко, то ли он хочет, чтобы его покачали и успокоили. Понимала, что если плачет, то о чём-то просит. Но на то, чтобы понять, что именно просит, ушли недели, месяцы.

Помнишь, мы сидели с тобой на кухне, и ты в шутку спросила: «А второго не хотите с Игорем?» «Нет!» — в ужасе вырвалось у меня, и сама испугалась такой реакции на твои слова. Но потом, словно оправдываясь, начала тебе объяснять, почему так сказала. Ты обняла меня тогда и очень тихо на ушко прошептала: «Ты очень хорошая мама. Подари ещё одному ребёнку свою любовь». Твои слова глубоко тронули меня, но что-то менять в своей жизни не хотелось.

Прошли дни, месяцы. Наш Андрейка превратился в чудесного четырёхлетнего сорванца с огромными живыми глазами. Он мог часами бегать по квартире, изображая из себя водителя автобуса или машиниста метро. Проносясь мимо, он тормозил возле меня в самый неподходящий момент, когда я или разговаривала по телефону, или несла в руках что-то горячее или тяжёлое: «ПШШШ!» — издавал мой сын звук открывающейся двери. Затем замирал, смотря мечтательно вдаль, представляя, как люди заходят в вагон. Снова, но уже более громко, он произносил своё «ПШШШШШ», и «состав» начинал движение до другой станции. Набегавшись, точнее сказать, отработав смену, запыхавшийся ребёнок садился за свой столик. Там его ждала любимая коллекция машинок. Огромное количество больших и маленьких, с открывающимися дверцами и не открывающимися. О цвете этих машинок я даже не буду тебе писать. Казалось, что вся палитра ярких красок из блестящего железа лежала на столе, переливаясь всеми цветными оттенками от солнечного света, который падал из окна. Как замороженный, Андрей брал в руки машинки. Одну за другой он переворачивал их, проверяя, крутятся ли колёса, нормально ли открываются двери. И когда осмотр машинок был выполнен, на нашем полу начиналось автомобильное движение. Ма-

шины ездили, парковались, останавливались у светофора. Был слышен рёв моторов, звук торможения и увлечённое дыхание сына. Наигравшись, Андрей доставал свой любимый гараж. Так мы называли огромную коробку от телевизора. Аккуратно, одну за другой, машинки складывались в это хранилище. Смотря на все эти старания сына, всегда удивлялась его терпению и аккуратности.

День незаметно прошёл, вечер заканчивался, скоро нужно ложиться спать. Детский сон сынишки. Время, когда можно мечтать и жить в этих мечтаниях. А когда наступит новый день, эти мечты взять и... исполнить!

Наступила весна, и вместе с этим пришёл мой самый любимый праздник — Пасха. Нарядно одевшись, в радостном, весеннем настроении мы с мужем и сыном пришли на пасхальное служение. Служба в церкви была торжественной и радостной. Ведь это было не обычное служение. Пасха — день, когда обращаешься к Богу в молитве. Становишься внутри чище, светлее. «Христос воскрес!» — громко провозглашал священник. «Воистину воскрес!» — радостно отвечали люди. Казалось, весь храм наполнился этими ликующими возгласами.

А девочки... Сколько же было маленьких принцесс в нарядных, кружевных платьицах!словно разноцветные снежинки. Голубые, розовые, нежно жёлтые и, конечно же, белые. Эти крохи начинали кружиться, и их пышные юбки развивались от такого движения. Когда они начинали танцевать, это было так забавно. Кто-то, уперев пухлые ручки в бока, раскачивался из стороны в сторону, опираясь то на одну, то на другую ногу. Кто-то неуклюже, но очень трогательно вставал на цыпочки, ходил по залу, изображая маленькую балерину. А вон две маленькие девочки сидят на ступеньках. Их локотки упираются в колени, а маленькие ручки, сло-

женные в кулачки, подпирают щёчки. Одна из них что-то увлечённо и смешно рассказывает, и они обе начинают заливаться задорным смехом. В общем, сердце моё дрогнуло. «Господи, пожалуйста, благослови родить дочку, и чтобы она родилась в то же время, что и Андрей», — стала в тот момент внутри себя просить Бога. Закончилась в церкви служба, нарядные маленькие принцессы уехали с родителями. Вернулись домой и мы. Дни проходили, и вместе с ними уходило моё желание родить дочку.

Именно ты, как старшая сестра, учила меня, как не забеременеть. Твой врач-гинеколог наблюдал меня с юношеских лет, давая полезные и нужные советы. Я понимала, что 100% гарантии в данном вопросе никто никогда не даст. Но я была уверена на целых 99%. У Бога был только 1%. То есть практически никаких шансов.

Лето закончилось, и на смену ему пришли тёплые осенние дни. Точно помню, что сентябрь был удивительно солнечным и тёплым. Деревья стояли ещё зелёными, и кое-где осеннее золото начало касаться их верхушек. Ох, как бы я наслаждалась и восхищалась этой порой, но мне не давала покоя одна мысль: «Когда придут месячные?» По срокам они должны были начаться дней пять назад. «Может, это из-за аномально тёплой осени? — пыталась успокоить себя. — Может, я ошиблась в графике?» — и начинала снова внимательно считать календарные дни.

Когда я пошла в аптеку, чтобы купить тест на беременность, честно тебе пишу, сделала я это для того, чтобы просто успокоиться. Купить тест, чтобы убедиться, что беременности нет и что у меня всё нормально. Но тест показал, что не всё нормально, т.е. совсем не нормально. Две полоски оказались красными, а значит... я

беременна! «Нет, этого не может быть. Это ошибка! — не хотела соглашаться я. — Может, неправильно провела тест? А когда принимает мой гинеколог?» Позвонила в женскую консультацию. На приём получится попасть только в понедельник. А сегодня только пятница. Если бы ты знала, как я провела эти два с половиной дня! Это была вечность. Остаток пятницы, целая суббота и целое воскресенье! Казалось, время не торопилось двигаться. Длинные дни и такие же длинные ночи. Конечно же, минуты шли своим чередом, час за часом. Один день сменялся другим в своё время, не раньше и не позже. И вот, ура! Наступил понедельник.

«Деточка, да вы беременны!» — осматривая меня, сказала наш чудо-гинеколог по-матерински. Всё! Последние сомнения рухнули. И, слушая рекомендации гинеколога, соглашалась уже во всём. Да, надо сдать все анализы. Да, надо сделать электрокардиограмму. Да, надо записаться на приём к терапевту. Да, надо... Надо... Да, да, да...

Медленно, с осмыслением происходящего, вышла из женской консультации, держа в руках кучу справок и направлений. На улице по-прежнему стояла тёплая осенняя погода. Под ногами зашуршали опавшие листья. Но в этот момент было неважно, что там внизу, на асфальте. Взор устремился ввысь. Удивительно, но на небе не было ни облачка. Огромное чистое небо, переливающееся тёплым сентябрьским солнцем. «Спасибо», — прошептали мои уста, и сердце наполнилось радостью и ожиданием этого малыша.

Проходили дни. Пришли затяжные дожди, повеяло ноябрьской прохладой, и вскоре осень сменилась очень снежной зимой. Зима 2001 года. Огромные сугробы, словно белой стеной, стоящие вдоль утоптаных дорожек. Казалось, что все деревья одеты в большие пуши-

тые шапки. Медленно раскачиваясь от зимнего ветра, они словно пытались стряхнуть с себя этот тяжёлый головной убор. И, конечно же, в этом им помогал Андрейка. Найдёт дерево с тонким стволом, обхватит его и с силой начинает трясти. Доли секунды, и словно снежная лавина обрушивается на сынишку, пряча его в этом сверкающем водопаде. Он стоит, как заворожённый, весь обсыпанный снегом. На ресницах застыл белый иней, но Андрей улыбается счастливой улыбкой и бежит к другому дереву.

И какая же зима без снеговика! Муж и сын вместе катают снежные шары. Снег рыхлый, чистый. Ком становится всё больше, всё тяжелее. Надо прилагать больше усилий, чтобы прокатить его ещё несколько метров. Наконец, каждый ком встаёт на своё место. Теперь наступает момент вдохновения — оживить эти снежные шары. На голову снеговика аккуратно кладём сосновые шишки. Игорь поднимает Андрея на руках, и тот с радостью вставляет вместо рук заледенелые веточки. Вот появляются глаза, нос. Наш кудрявый снеговик улыбается своей немой улыбкой. Сын хлопает в ладошки, и от его варежек отлетают прилипшие комочки снега. Мы все покрасневшиеся, слегка замёрзшие, но счастливые, возвращаемся домой, оставляя нашего снеговика в окружении замёрзших деревьев.

Так проходили дни ожидания. Андрей подрастал. Подрастал и младенец в моём животе. Весной я уже чувствовала себя, как надутый шарик. Было тяжело ходить, неудобно нагибаться и ложиться спать. Как же обо мне заботились два моих мужчины: мой сильный муж и маленький сынишка! Было трогательно смотреть, когда каждый из них в меру своих сил делал всё, чтобы мне стало легче. А сколько заботы и тепла дарила мне ты, моя старшая сестра! Старалась чаще звонить,

узнавая, как я и малыш себя чувствуем. Помогает ли мне Андрейка? Не нужно ли мне чего? «Да у меня всё хорошо... Нет, мне не нужно этих фруктов... Да, я берегу себя». Ты всё равно мне не верила, приезжала к нам в гости, и жизнь в нашем спокойном тихом мире просто взрывалась. Гул пылесоса, звук от работающей стиральной машины, шипение от утюга и свист от скороварки. Казалось, всё это смешивалось в один общий фон, который раздавался на своей волне в своё время. Периодически ты бегала по кухне или комнате, легко справляясь со всем этим. После, когда вокруг всё смолкало, начинала пыхтеть уже я, глядя на огромную тарелку фруктов, так любезно принесённую тобой.

— Я не смогу столько съесть, — с тоской в голосе говорила я.

— Ты должна кушать за двоих! — был твой аргумент.

И чтобы не обидеть тебя и спасти положение, на помощь звала Андрея. Как же забавно было смотреть на наслаждающегося всем этим изобилием сына, который увлечённо ел сам и пытался накормить этими фруктами маму и тётю. Чтобы не обидеть племянника, ты усиленно пережёвывала жёсткое зелёное яблоко, морщась от его кислоты. А я, пряча от смеха глаза, просила сына дать мне яблоко поменьше и пожелтее. «В нем не так много железа, но оно всё равно полезное», — говорила тебе, с наслаждением откусывая вкусный ломтик.

Помню, как ты приехала на мой день рождения. 27 марта 2001 года. Первое весеннее тепло проникало сквозь оконное стекло. Солнечные лучи касались меня, и приятное тепло разливалось по всему телу. Андрей, играя в машинки, также выбрал солнечный уголок. В общем, это был чудесный день, наполненный светом, теплом и самое главное — тишиной. Сидя на мягком диване, мы смотрели с тобой наши детские фотогра-

фии, смеялись, вспоминая смешные моменты. И перед тем, как уйти, ты нежно погладила мой уже такой большой животик и неожиданно спросила: «И когда малышка появится на свет? Знаешь?». «В то же время, что и Андрей», — не задумываясь, ответила я. «Хорошее время, — мечтательно произнесла ты улыбаясь. — Всё лето с малышом можно проводить на улице. Тепло». «Ага», — также улыбнулась я и вдруг застыла. Ведь именно об этом просила тогда у Бога. Именно апрель-май! «А кто родится? УЗИ показало?» — невозмутимо продолжала спрашивать ты. «Девочка», — как во сне, прошептала я. «Как замечательно! Сын и дочка!» — радостно сказала ты и, звонко чмокнув меня в щёку, закрыла за собой дверь. А я... Я продолжала стоять в коридоре, размышляя о последних словах. Это не могло быть совпадением! Это был ответ Бога на молитву тогда, весной, на Пасхальном служении.

Конец апреля. 37 неделя беременности. Малышка бьётся в животе и рвётся наружу. «Деточка, надо лечь на сохранение», — слышу от своего гинеколога то ли вердикт, то ли предложение. Ох, как же не хотелось идти в роддом раньше срока. Лежать в ожидании. А сколько ожидать? Неделю, две или все три? И у Андрея скоро день рождения. 2 мая. Неделя осталась. Тем более, это будут праздничные дни. Что в праздничные дни делать в роддоме? Небеременные, здраво рассуждая, скажут: «Или быть на сохранении, или рожать». Беременные же, на самых последних сроках, уверенно скажут, что в выходные и праздничные дни в роддоме им делать абсолютно нечего.

В общем, лечь не хотелось. Как тогда Игорь смог убедить, приводя мудрые аргументы, до сих пор удивляюсь. Главное, что в тот момент понимала, что важнее заботиться о малышке, а не о личных планах и

удобстве. Побросала в сумку всё необходимое. С таким тюком нескучно будет хоть полгода быть вдали от дома. И вот я вваливаюсь в палату, грохоча колёсиками объёмной сумки, смахиваю налипшую прядь волос с лица и вижу несчастные глаза молодой девушки, с удивлением смотрящей на меня.

— Здравствуйте! — началось наше знакомство. — Меня зовут Татьяна.

— Дилиа, — с небольшим акцентом произнесла моя соседка.

Та неделя в роддоме, вернее в нашей палате, была необычной. Для Дили это была первая беременность, и, как я поняла из её рассказов, самый первый раз она осталась одна. Без мужа, без родителей, в этой маленькой замкнутой палате — всё вызывало тоску и уныние. Часто в слезах, с телефоном в руке, она долго разговаривала со своим мужем на родном языке. Из всего разговора я улавливала только жалобную интонацию и частое всхлипывание. Тяжелее всего было вечерами. Видя её вздрагивающие от тихого плача плечи, обнимала её и начинала говорить что-то доброе и ободряющее. О том, что это временно. Что пройдет совсем немного дней, и она будет дома, со своими близкими. В их любви и заботе. Что у неё родится чудесный ребёнок, который подарит ей и мужу много радости. Она внимательно слушала и сквозь слезы начинала мечтательно улыбаться.

Помнишь сестрёнка, однажды ты взяла в руки вышитого крестиком «Мишку на севере». Это был огромный белый медведь, идущий среди заснеженных сугробов. Ты тогда внимательно его разглядывала, а потом спросила: «А почему у него везде крестики ровные, а вот в этом месте, — и ты указала пальцем на заднюю медвежью лапу, — как-то по-другому». Тогда я просто улыбнулась и ответила: «Так получилось». В один из ве-

черов я показала Диле свою вышивку. «Как красиво!» — восхищённо сказала она. «Я не могу вышить. Как ты делать это?» — спросила Диля.

Ура! Мы победили слезы. Как только лицо девушки становилось печальным, в ход шла вышивка. Внимательно считая клеточки, моя Диля сражалась с лапой медведя, напрочь забыв о своей тоске.

А ещё вечерами мы говорили о Боге. Диля рассказывала мне о своей вере, точнее сказать, о вере мужа. О праздниках, которые они совершают. Я рассказывала о том, как Бог изменил мою жизнь и жизнь моего мужа. Как Он близко, как Он любит и как Он отвечает на молитвы.

Так и провели вместе целую неделю две молодые женщины. Как старшая и младшая сестры, как две подруги, как мать с дочерью. Одна не очень хорошо говорящая на русском языке, другая вообще не знающая её родной язык. Одна — мусульманка, другая — христианка. Вместе вышивали одного и того же мишку и вместе говорили в почтении друг ко другу о Боге.

И вот настал тот день. Вернее ночь. А ещё вернее, ровно в полночь с 1 на 2 мая я родила малышку. Ты до сих пор, шутя, ругаешь мою акушерку Катерину, которая убедила меня записать день рождения дочки (дочки!!!) не второго мая, а первого. «Пусть у каждого из ваших детей будет свой день рождения», — мудро сказала она тогда, и я согласилась. Теперь ты приходишь к нам, сестрёнка, и первого, и второго мая. И каждый раз, улыбаясь, говоришь: «А во всем виновата Катерина. Так пришла бы один раз второго мая и всех племяшек сразу бы и поздравила». Я знаю, что ты шутишь. Я знаю, что тебе нравится приезжать к нам в гости.

А ещё я помню, какими внимательными глазами ты слушала историю рождения Леси. «Бог ответил, сест-

рёнка», — после небольшого молчания произнесла ты. Мы много с тобой потом говорили об этом. Однажды ты задала вполне уместный вопрос: «А как же те, у кого нет детей? Они что, молятся другому Богу? Или Бог их не слышит?» Я растерялась тогда. Не смогла ответить на твой вопрос. Наверное, и сейчас не смогу. Но я знаю много семей, которые усыновили или удочерили деток. Подарили им счастье быть в семье и сами от этого получили радость. Когда живёшь не для себя, а для других, не будет одиночества, депрессии.

Для меня всегда удивительным примером была и остаётся Мать Тереза. Маленькая, хрупкая, уже немолодая женщина. Не имеющая мужа, детей. Но стольким людям подарившая надежду, исцеление и утешение. И даже когда её не стало, она успела научить других также отдавать своё сердце страждущим людям. Возможно, ухмыльнувшись, сказать: «Ну, это же Мать Тереза». Но разве так трудно позаботиться о том, кто рядом? Всегда есть человек, которому тяжелее, чем тебе. Бог не ответит, как покажется вначале, на твою молитву и просьбу. Но Бог может ответить тому, кто рядом, через тебя. Через то, что ты будешь делать доброго в жизни этого человека.

Отче Наш, Сущий на небесах!

Я склоняюсь перед Тобой в почтении и нуждаюсь в Твоей любви и Твоей заботе каждый день. Господи, в благоговении и трепете открываю своё сердце и свои желания пред Тобою. Спасибо, что Ты всегда слышишь молитвы и всегда отвечаешь на них.

Прошу, вкладывай Твои слова в мои уста и сердце. Пусть эти слова будут направлены к миру с людьми и прощению тех, кто обижает. Прости за всякий национализм, если он есть в моём сердце. Ты создал

каждого человека по Своему образу и подобию. Дай сердце любящее, дай сердце прощающее. Прошу тебя, Господь, за моих родных и близких. Пусть Твои благословения будут в их жизни.

Я молюсь во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Точка невозврата

Как же хорошо, сестра моя, что ты всегда была рядом. Всегда была наблюдательна и умела слушать. Сколько раз, обиженная, прибегала я к тебе и делилась своими обидами. Рассказывала во всех подробностях, как незаслуженно меня обидели, и что я больше НИКОГДА не буду дружить с этим человеком. Ты молча выслушивала, а потом начинала медленно, тихо говорить, говорить, говорить. И, слушая тебя, я словно со стороны начинала смотреть на себя и на этого человека. После, успокоившись, прощала или, краснея, просила сама прощения.

А ещё, сестрёнка, в те моменты ты очень много говорила о точке невозврата. «Находи в себе силы прощать, пока этот человек рядом», — внимательно глядя на меня, говорила ты. Но как поступить, когда глубокая оби-

да поселилась в сердце? Не в чужом, а в своём собственном. Она, как стрела, вонзается во внутренность, и от этой боли выступают обжигающие слёзы. Меняется отношение к тому, кто обидел. Ты всё дальше и дальше удаляешься от этого человека, избегая не только встреч, но даже самой мысли о нём. «Никогда» — это самое главное слово, которое руководит в тот момент всем твоим поведением. И именно здесь может наступить точка невозврата. Со временем боль и обида проходят, но этого человека уже нет в твоей жизни. Ты не можешь посмотреть ему в глаза, улыбнуться и восстановить навсегда потерянные отношения.

Наш брат Сергей. Ему было 15 лет, когда я появилась на свет. Разница была огромная. Подросток, у которого свои интересы, своя жизнь, и завёрнутый в пелёнки комочек в коляске, нарушающий привычный покой своим криком. Сергей рано женился и ушёл из дома. Я почти не помню его в своём детстве. И чем старше я становилась, тем больше разрасталась пропасть в наших отношениях.

События 1987–1991 гг.

Шли годы, я росла, взрослела, и вот наступил день моего 20-летия. Так получилось, что мои друзья в тот день не могли прийти. Тебя в Москве тоже не было, и мы решили отметить день рождения в ближайшие выходные. Поэтому в этот будничный день мы не ждали никого. За окном была прекрасная солнечная погода. На асфальте от солнца блестели весенние лужи, по подоконнику звонко ударяла весенняя капель и искрами разлеталась в разные стороны. Настроение было радостное, и вообще, у 20-летней девушки какие могут быть печали? Тем более в день рождения.

Раздался звонок в дверь. «Кто бы это?» — спросила я саму себя и весело пошла открывать дверь. На пороге стоял брат с женой. «Ой, у вас всё-таки получилось приехать ко мне?» — вырвалось радостно у меня. «Да, мимо проезжали», — сухо сказал брат.

Сестрёнка, я не буду сейчас вспоминать, что именно говорил Сергей в те два часа, что он был у нас. Помню только, что со злобой и ненавистью он не кричал. Нет. Он говорил тихо, спокойно, но каждое слово причиняло боль. Казалось, что своими словами он вбивает иглы в сердце, душу. «Почему, за что?» — возникали внутри вопросы, но спросить об этом не было сил. Сергей самыми обидными словами прошёл по всем сферам жизни молодой девушки, больно ударяя по каждой из них. Чувствуя внутри себя полную раздавленность, как могла, старалась держаться до конца. Слёзы душили горло, руки тряслись. Но на лице была глупая растянутая улыбка, а за спиной спрятанные дрожащие руки.

«Серёжа, опомнись! Что ты делаешь!» — помню слова мамы. «Выйди отсюда. Это мой разговор с ней!» — ответил брат, кивая в мою сторону. Надя, его жена, всё это время не знала, как поступить. Было видно, что она сама в растерянности. «Серёжа, пойдём», — говорила она, мягко подталкивая его к двери. Наконец он ушёл, а я, тихо прошептав: «У меня больше нет брата», — ушла в свою комнату, давая волю горьким слезам.

Проходили дни, недели, месяцы. Само воспоминание о том дне вызывало внутреннюю боль. Когда ты или мама пытались что-то мне объяснить, закрывала уши руками и только злобно твердила: «У меня нет брата. Ничего не хочу о нём слышать». Когда он звонил, без всяких эмоций передавала трубку тебе или родителям. Сколько раз, подходя к нашему подъезду и видя машину Сергея, звонила подругам, напрашиваясь в гости, нахо-

для этого разные причины. Со временем боль ушла, но остались непроститель и страх, что такое может повториться. Случилось однажды — где гарантия, что не случится снова? Так и жила в то время. Без брата, без общения с ним. Жила со своим непроститель и обидой.

Образ Бога, который когда-то увидела поздним вечером, не выходил из головы. Вопрос и непонимание: «Что это было?» — продолжали жить в моём сердце. Взяв в руки Новый Завет, начала перелистывать страницу за страницей, пробегая глазами по главам. Письмо апостола Петра. Первое письмо, второе, третье. В них наставления, как жить, как верить в Бога. А вот и письма апостола Павла. Письмо Римлянам. Письмо в город Коринф. Это письма в церкви тех времён. А вот и личное письмо Павла к Тимофею. Павел относится к нему как к сыну и в письме поддерживает его. Пишет с любовью, заботой.

«А мой брат никогда не относился ко мне как к сестре!» — вырывается у меня. Снова продолжаю листать страницы. А вот и послание Иуды. «Интересно, это тот, кто предал Иисуса?» — вслух размышляю я. И так, вначале пролистывая, а потом читая слово за словом, стих за стихом, главу за главой, с интересом погрузилась в чтение Библии. Я уже знала, что Библия состоит из Ветхого завета (до рождения Иисуса Христа) и Нового завета (события после рождения Иисуса). Что Евангелие не одно, а их целых четыре. Само значение слова «Евангелие» вначале не понимала, но потом узнала, что на нашем разговорном языке это означает «радостная, добрая весть». «Как интересно!» — думала я тогда. Четыре хорошие вести, которые были написаны четырьмя людьми: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Каждый из них рассказывал о жизни Иисуса, как они видели и запомнили. И в чём смысл «радостной вести», если

в каждом Евангелии Иисуса распинают? Когда я читала о том событии, слёзы начинали застилать глаза. Почему так жестоко распяли такого прекрасного человека? Что Он такого плохого сделал? Ещё при жизни Иисус сказал: *«Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?»* (Новый Завет. Евангелие от Иоанна, глава 10, стих 32).

И по мере того, как я читала эти главы, начала понимать значение Доброй вести. Каждый из нас грешен. Каждый что-то делает, из-за чего потом приходит чувство вины. Мы стараемся начать жить правильно с понедельника, но только единицы доходят хотя бы до среды. У каждого человека есть внутри что-то, что невольно толкает его делать неправильные дела, и также есть что-то, что осуждает его за это. Это как голос плоти и голос совести, голос Божий. И сам человек не может одержать победу над голосом плоти. Вот для чего Бог в образе Иисуса пришёл на землю.

Когда родился Христос, ангел Божий явился с радостной вестью к пастухам. При виде посланника Божьего те испугались, однако он сказал им: *«Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдёте Младенца в пеленах, лежащего в яслях»* (Новый завет. Евангелие от Луки, глава 2, стихи 10–12).

Иисус родился, чтобы показать людям сердце Бога. Не злое, жёсткое, готовое наказать любого, кто ослушается, напротив, Он показывал Бога любящего, заботливого и прощающего. Как если бы Отец заботился о своих любимых детях. Но больше всего меня потрясло, когда я поняла, что Иисус родился, чтобы умереть. Не просто умереть, а умереть за грехи людей, быть распятым вместе с грехами каждого человека. Он

родился, чтобы умереть за мои грехи. И за твои грехи, сестрёнка.

«Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, ведён был на заклание, и, как агнец пред стригущими его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь.

Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребён у богатого, потому что он не сделал греха, и не было лжи в устах Его.

Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесёт жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его...

На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесёт.

Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал Душу свою на смерть, и к злодеям причтён был, тогда как Он понёс на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем».

*(Ветхий завет. Книга пророка Исаии,
глава 53 стихи 5—12).*

Я читала эти стихи, и перед глазами вставал Голгофский крест и обезображенное лицо и тело Того, Кто стал Спасителем для каждого человека. «Господи, прости мои грехи!» — вырвалось из моего сердца. Как же внутри меня всё изменилось! Радостная весть — Иисус умер за мой грех, Он воскрес! Все мои грехи распяты с моим Спасителем. Он освободил меня от власти греха, от этого голоса плоти.

И, продолжая читать Библию, я нашла ответ на свой вопрос, который возник у меня тогда, поздним летним вечером, когда я лежала с переломанной ногой, видя перед собой образ Бога. *«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною»* (Новый завет. Откровение, глава 3, стих 20). Вот в чём была та невидимая преграда. Моё закрытое сердце. Бог не вламывался в мою жизнь. Он был всегда рядом, но требовалось личное желание открыть своё сердце и разрешить Богу стать господином моей жизни. «Господи, войди в моё сердце, — просила я тогда в молитве. — Измени мою жизнь. Пусть она будет такой, какой Ты хочешь её видеть», — продолжали шептать мои губы. И, конечно же, самой главной и любимой стала молитва Господня. Именно в самом первом Евангелии от Матфея ученики попросили Иисуса научить их молиться. Тогда Иисус сказал:

«Молитесь же так:

*Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое,
Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на
земле, как на небе;*

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

*И прости нам долги наши, как и мы прощаем долж-
никам нашим;*

*И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого;
Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.
Аминь».*

*(Новый завет. Евангелие от Матфея,
глава 6, стихи 9–13).*

А далее сказано: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Новый завет. Евангелие от Матфея, глава 6, стихи 14–15). Именно эти слова, как вспышка, каждый раз зажигали мой взор и сердце. Мой брат, Сергей. «Как и вы будете прощать...» Но где взять силы, чтобы простить? Не на словах, а в сердце. «*И прости нам долги наши...*»

В девятом классе мы проходили летнюю практику в больнице, расположенной недалеко от нашего дома. У кого-то из учениц входило в обязанность разносить еду лежачим больным, кто-то помогал на кухне мыть посуду. Нам с подружкой Людмилой досталась самая банальная работа — мыть полы в палатах. Помню, стоял июнь. В палатах было жарко, душно. Пахло не только лекарствами, но и лежачими больными. Окна были открыты, но это не спасало положения. Более того, из-за открытых окон на полу стелилось огромное количество тополиного пуха. Протираешь полы мокрой тряпкой, а он начинает разлетаться в разные стороны, поднимаясь вверх. Ты застываешь, ожидая, когда он опустится. Снова пытаешься поймать его тряпкой, но даже от малейшего движения швабры пух снова взлетает вверх. Закончив мыть одну палату, мы шли в другую, оставляя полы мокрыми. На них толстым слоем ложился противный пух, от чего казалось, что до нас полы были намного чище.

Остались последние две палаты, и всё — ура, можно будет уйти домой, на свежий воздух, к своим привычным, любимым делам. Находясь в таком приподнятом настроении, вдвоём ввалились с ведрами и швабрами в одну из палат и вдруг услышали разъярённый голос: «Выйдите отсюда!» Это были слова молодого врача, который сидел у кровати больного и с гневом смотрел на нас. Испуганные и смущённые, мы с Людмилой развернулись и молча пошли в другую палату. Когда и в ней разметали мокрой тряпкой тополиный пух, заглянули в прежнюю палату, врача уже не было. Так, домыв всё, убрав швабры и ведра, мы переоделись и направились к лифту. Дверь открылась, мы вошли и заметили сердитого врача, который направлялся в нашу сторону. Его взгляд был уже мягким и сосредоточенным. «Простите меня», — услышали его искренние слова и увидели добродушную улыбку. Но когда закрывалась дверь лифта, всё, что он мог видеть, это были ухмылки и закатывания глаз двух невоспитанных девиц. Каждый раз, проезжая мимо этой больницы, краснея, вспоминала тот случай, и из сердца в пустоту вырывалось: «Простите». Точка невозврата. Нельзя снова оказаться в том времени, в том моменте и всё исправить. Как саму себя простить за тот случай?

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем...» Снова и снова произносила я эти слова, и Бог дал силы простить себя и простить своего брата. Сестрёнка, какое же это счастье — простить! Это как если быть в плену и получить свободу. Помню тот день, когда сама позвонила Сергею. Обоюдное смущение первых минут ушло, и на смену пришла радость. Сестрёнка, мы смеялись с ним, как будто и не было этого разрыва в отношениях. Мы начали рассказывать друг другу, что изменилось за это время. Сергей приглашал в гости, и как я

могла отказать? Прошло несколько лет после этого звонка. Тяжёлая болезнь забрала нашего брата слишком рано. Если бы тогда не пришло в моё сердце прощение, это была бы в моей жизни самая ужасная точка невозврата. Но вместо этого все последующие годы — прекрасные отношения любящей сестры и заботливого старшего брата.

Отче Наш, Сущий на небесах!

Я приношу к Твоим ногам своё непростение и обиду. Исцели моё сердце и дай силы простить того, кто обидел. Прошу простить и меня, когда я своими поступками и словами обидела другого человека. Приди исцелением в его сердце. Восстанови наши отношения. Пусть Твой мир будет между нами.

Я молюсь во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Мальчик-одуванчик

Позволь мне написать тебе о том, сестрёнка, что, как я знаю, волнует и сейчас твоё сердце. Хочу напомнить о мальчике-одуванчике. Прошу, не рви это письмо. До-читай до конца. Рано или поздно, но тебе надо получить исцеление от этой боли. Почему бы не сейчас?

Мы гуляли с тобой по нашей любимой аллее, и на-встречу нам шла молодая женщина с детской коляской. Уже подросший малыш, сидящий в ней, от движения коляски раскачивался в разные стороны, с любопытст-вом рассматривая всё вокруг. Когда мы поравнялись с ними, то не могли сдержать смех. Это было маленькое чудо с большущими удивлёнными глазами. Вокруг го-ловы этого малыша была не просто шапка волос. Это был огромный пушистый белый шарик. Летнее солнце

проникало сквозь этот пух и казалось, что это огромный одуванчик с прекрасными детскими глазами. Так и запомнился нам этот ребёнок как мальчик-одуванчик. Каждый раз, произнеся слово «одуванчик», мы тут же вспоминали этого удивительного малыша, и на наших лицах появлялись улыбки.

Когда ты забеременела от Ильи, помню твой шок и панику. До последнего ты надеялась, что это неправда. А когда всё подтвердилось, надеялась, что Илья не оставит тебя и своего ребёнка... Ты решилась на аборт, а я, прости меня, сестрёнка, была слишком мала, чтобы понимать, что правильно, а что нет. В те дни я просто была рядом. Верно ходила с тобой в женскую консультацию, ходила с тобой, когда ты сдавала необходимые анализы. Была рядом, печально сидя в коридоре, когда врачи делали тебе аборт. Помню, как вошла в палату, куда тебя привезли. Ты была ещё под действием наркоза и лежала с закрытыми глазами, бледная и несчастная. В этой палате были и другие женщины. Они о чём-то говорили, но это были какие-то пустые, ничего не значащие слова. Они не улыбались, не шутили друг с другом, но по мере отхода от наркоза их глаза становились задумчивее и печальнее. Словно это было пробуждение не в добрую сказку, а в осознание чего-то глубоко личного. Это было состояние потери. Они звонили своим родным, говорили, что у них всё в порядке, что скоро приедут домой. Но ни словом не обмолвились о том, кого уже не стало.

— А если это был «одуванчик»? — донеслись до меня твои тихие слова.

— Что? — не поняла я вначале.

— Мальчик или девочка-одуванчик, — прошептала ты, и слёзы одна за другой стали скатываться по твоему бледному лицу.

Сестрёнка, родная моя. Знаю, что в твоём сердце до сих пор живёт эта боль. До сих пор ты думаешь, как поступила бы теперь. А когда понимаешь, что поступила бы по-другому, становится ещё тяжелее. Сейчас у тебя прекрасная семья. Заботливый и порядочный муж. Прекрасные детки. Настало время отпустить Одуванчика и простить саму себя...

Отче наш, Сущий на небесах!

Я прихожу к Тебе с этой молитвой, чтобы получить прощение за этот мой грех. Я осознаю и раскаиваюсь, что сделала аборт. Прошу, прости меня. Исцели моё сердце. Я знаю, что мой не рождённый ребёнок в Твоих любящих руках. Он в Твоей любви и заботе. Спасибо, что даёшь мне Своё прощение и свободу от этого греха.

Ведь я молилась Тебе во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

За что?

События 2003–2004 гг.

Мы всегда с тобой задавали этот вопрос, когда что-то случилось в нашей жизни. Вернее, твой вопрос был: «Почему это произошло?», и ты начинала выкладывать целую цепочку аргументов. Я плакала вместе с тобой, обнимая, стараясь поддержать, как могла. А ты, пряча слёзы, усиленно пыталась понять: ПО-ЧЕ-МУ?

Тот же самый вопрос ты задала и мне, когда я сказала тебе, что врачи обнаружили у меня рак. Что можно было ответить тебе в тот момент? Сама, поднимая полные слёз глаза к небу, произносила: «Боже, за что?» Но там была тишина. И эта тишина приносила в сердце боль, страх перед будущим и жуткое отчаяние.

Сидя дома на диване, завернувшись в тёплый плед, я смотрела на своего сына, который пошёл учиться в первый класс. Он сидел за столом и старательно выводил свои первые буквы. Закончив первую строчку, поворачивался в мою сторону, ожидая ободрения. Пряча глаза, подходила к сынишке, обнимала его и, как могла, старалась похвалить. С гордостью Андрей брал ручку и снова начинал трудиться.

А Олеся, моя двухлетняя маленькая принцесса, беззаботно спала в детской кроватке, наполняя наш мир своим спокойным дыханием.

«Как я уйду, оставив этих деток? Какими они станут, когда вырастут? А мой муж? Какое испытание придётся пройти ему! Жить с женой, которая с каждым днём будет угасать, а потом, потеряв её, жить с этой болью... А ты, сестрёнка? Наши родители? Знаю, что это расставание было бы для вас сильным ударом». Вот с такими мыслями я жила в те дни. И конечно же: «Боже, за что?» — постоянный вопрос в моём сердце.

Навсегда запомню тот вечер, когда Игорь подошёл ко мне, нежно обнял за плечи и, смотря в глубину моих глаз, тихо сказал: «Танечка, мы не понимаем, почему это произошло с нами. Давай просто доверимся Богу». И, словно почувствовав, наши детки подошли к нам. Так мы и стояли, обнявшись, говоря Богу, что с этого момента во всём будем доверять Ему.

«Господи, да будет Твоя воля! — искренне, от сердца, произносили мои уста. — Всё, что нужно будет мне пройти в этом испытании, я доверяю Тебе. Благослови врачей, дай им выбрать для меня правильные методы лечения. Боже, действуй через них. Пусть их руки будут Твоими руками. Пусть моё сердце во всём доверяет Тебе!»

Когда я молилась в те дни Богу, изменилось моё понимание, что такое воля Божья. До болезни само пони-

мание слов «да будет воля Божья» отсутствовало. Я представляла, что человек просил у Бога чего-то доброго для себя. То, о чём мечтается, желается. Но в конце этой просьбы как бы мысленно от всего этого человек отказывался, произнося слова: «Но впрочем не моя, но Твоя воля да будет». Словно хорошие человеческие желания были несовместимы с Божьей волей. Но, читая Библию, увидела то, что изменило в корне моё понимание.

«Воля Божия, благая, угодная и совершенная».

*(Новый завет. Послание к Римлянам,
глава 12, стих 2).*

Если сказать современным языком, то это — радостная, добрая воля! Она приятна для меня, угодна. И она совершенная. Сестрёнка, для меня это стало лекарством, которое даёт надежду и радость. Божья воля обо мне, о каждом человеке самая лучшая и самая совершенная. То, что мы желаем для своей жизни, такое маленькое и поверхностное, но когда начинаем просить у Бога о Его воле и Его планах для нашей жизни, то

«не видел того глаз, не слышало ухо... что приготовил Бог любящим Его»!

*(Новый завет. 1 Послание к Коринфянам,
глава 2, стих 9).*

Молясь и говоря Богу то, что было на сердце, в конце молитвы я с почитанием произносила: «Впрочем, не моя, но Твоя воля да будет! Аминь», — полностью осознавая, что Он сделает в моей жизни что-то прекрасное и доброе.

Сказать, что для меня легко прошёл тот год, было бы неправдой. Причём не только для меня, но и для вас.

После операции на Каширке была химиотерапия. Одновременно стали делать и лучевую. Лысенькая, бледненькая, сильно похудевшая, жутко раздражительная — вот такой запомнили меня в те дни вы, мои родные. Как же вы находили тогда силы ободрять меня и не обращать внимание на мои вспышки злости?!

Мой муж заботился обо мне, как мог. И ещё он старался вызвать у меня улыбку. Помнишь, ты пришла к нам в гости, а Игорь делал на моём теле разметку для лучевой терапии. Он взял тогда в руки ватную палочку, обмакнул её в зелёнку и, рисуя на моем теле разметку, произнёс: «Я, конечно, не Шишкин, но я стараюсь». «Ну, вы даёте, ребята!» — воскликнула ты тогда со смехом.

Болезнь была побеждена. Бог продлил мою жизнь. Он не пришёл Светом, как тогда, к маленькой девочке, тонущей в холодной реке. Но я точно знаю, что никакой невидимой преграды уже не было между мной и Ним. Через врачей, через вас, мои родные, Бог поддерживал и хранил меня.

Сестрёнка, мы не можем точно и уверенно сказать, почему в жизни людей происходят трагические события. Нам кажется естественным, когда приходит радость, успех, победа. Мы даже не задумываемся об этом и воспринимаем это как должное. Из нашего сердца не вырывается благодарность к Богу. Но когда происходит трагедия, боль, внутри рождается вопрос: «За что? Почему со мной?» Нельзя однозначно ответить на этот вопрос. Для кого-то это — результат чего-то неправильно, что человек делал в своей жизни. Для кого-то — полная неожиданность. Но когда есть доверие к Богу, понимание, что Он управляет твоей жизнью, становится легче проходить ту или иную боль. Бог не злой, жестокий диктатор. В Нём нет желания наказать, причи-

нить боль. Его сердце переполнено состраданием, любовью и желанием помочь и восстановить. Всё, что мне нужно, это открыть своё сердце и попросить Его заботиться обо мне и моих родных.

Отче Наш, Сущий на небесах!

Я прихожу в этой молитве, чтобы просить о Твоей воле для моей жизни. Я доверяю Тебе свою жизнь, своё здоровье. Прошу, восстанови и укрепи мой организм. Пусть во всё моё тело и дух придёт Твоя жизнь. Господи, учи во всём доверять Тебе. Дай сердце благодарное. Видеть то, что Ты делаешь в моей жизни, и благодарить Тебя, Боже, за это.

Я молюсь во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Час пик

Ох, уж это наше Выхино. И не просто Выхино, а «Выхино в час пик». Есть ли жизнь за МКАДом или нет, у каждого своё мнение, но на Выхино в утренние часы жизнь не просто есть, она бурлит.

Это метро расположено в эпицентре всех путей. Автовокзал по утрам встречает автобусы с людьми, которые приезжают из ближайших городов, расположенных за 100 и более километров. Поэтому я, скорее всего, погорячилась назвать эти города ближайшими. Но, в любом случае, вереница этих людей каждое утро тянется от автобуса к метро Выхино, чтобы вовремя успеть на работу или учёбу. С Казанского направления железной дороги также прибывают электрички, и каждые 10–15 минут люди выходят на платформу и двигаются к мет-

ро. Но есть ещё третий поток — это люди, которые живут рядом с этой станцией. Некоторые подъезжают на автобусах, троллейбусах, маршрутках или личных автомобилях. Счастливики, живущие совсем рядом, просто добегают до станции и сливаются с общим потоком людей. А здесь счастливицами кого-либо назвать трудно. Скорее всего, счастливицы те, кто едет в другое время или же просто остался дома.

Итак, утро, Выхино, час пик. В любое время года в будние дни огромный поток людей каждое утро движется ко входу в метро. Пассажиры медленно просачиваются через турникеты и заполняют собой узкую платформу. Именно по утрам эта платформа кажется узкой. На самом деле она обычная, как все другие платформы на остальных станциях. Но сейчас люди стоят, прижавшись друг ко другу, в ожидании поезда. Наступает момент, когда платформа настолько заполняется, что люди застывают у турникетов, и движение прекращается. Момент ожидания. И вот поезд приближается. Фары горят, раздаётся предупреждающий гудок. Толпа на платформе оживает. Самые смелые стоят у края. Одно неловкое движение, один случайный толчок — и не миновать беды. Вот состав проносится вдоль платформы. От его движения кажется, что сама платформа начинает колебаться. От порыва ветра, из-за проносящегося мимо состава, волосы людей начинают колыхаться. Вот состав останавливается, двери открываются, и словно живой поток из людей заносит вас внутрь. Радость и гордость на лицах тех, кто успел сесть на диванчики. Кто-то с грустным лицом смотрит на лица счастливиц, надеясь, что им уступят место. В последнюю секунду опаздывающие вдавливают тех, кто стоит в дверях, внутрь. Вагон полностью утрамбован, люди плотно прижаты друг ко другу. Нет, они буквально вжаты друг в

друга. Наконец, двери закрываются, и состав начинает движение к следующей станции. Стоя с отдавленными ногами, держа чью-то тяжёлую книгу у себя на плече, дыша в подмышку соседу и отталкивая сзади чей-то острый рюкзак, впивающийся в спину, люди едут на работу. И оставаться спокойным в таком месте и в такое время практически невозможно. Люди срываются, начинают ругаться, толкать друг друга. Мужчины перестают вести себя как мужчины, а женщины как женщины. У всех одна цель — вовремя доехать до нужного места. Пусть с оторванным рукавом, в помятом пальто, запачканной обуви. И с неприятным осадком внутри, потому что и в этот раз не сдержался и кому-то нагрубил. Но вечером, придя домой, все снова становятся любящими отцами и внимательными мужьями, заботливыми матерями и сёстрами.

Так и мы с тобой, сестрёнка, столько лет каждое утро в любую погоду шагали к метро и проталкивались в вагон. Вот поэтому сейчас так легко вспоминать и описывать тебе то, что когда-то пережили. Сейчас мы вышли замуж, разъехались. У нас другие станции, спокойные, без такого наплыва людей в «часы пик». Но вот о чём я думаю. Есть люди, для которых вся жизнь — это «час пик». Даже если их никто не толкает, не оттаптывает ноги, не отрывает с корнем пуговицу на любимой одежде, им кажется (нет, они уверены!), что их все толкают и обижают. Их раздражает буквально всё: люди, ситуации, обстоятельства.

Помнишь, мы пришли с тобой на почту за посылкой? Когда мы вошли в отделение связи, то вначале даже растерялись. Сколько же там было пожилых людей! Казалось, что всё помещение было заполнено ими. У покрашенной ярко-зелёной краской стены стояли стулья, на которых сидели пенсионеры. Кто-

то, по-царски сложив руки, внимательно смотрел на стрелки часов, висящих на стене. Кто-то опирался дрожащей рукой на палочку. Были те, кто о чём-то увлечённо, но тихо разговаривал со своим соседом, сидящим рядом. Особенно жалко было тех, кому не хватило мест, и они стояли вдоль стен, уставшими глазами смотря на присутствующих. Вон грузный мужчина с раскрасневшимся лицом вытирает рукавом пот с лица. Вон вдали старушка в ярко синем платочке переминается с ноги на ногу.

— Так сейчас же пенсию выдают! — как вздох, произнесла ты. И только тут в руках у них я увидела паспорта.

— Кто крайний? — спросила ты.

— Не крайний, а последний, — услышали мы с тобой мужской голос из дальнего угла. Наш взгляд упал на худенького пожилого человека. Он был невысокого роста, с узкими живыми глазами, которые, казалось, пронизывали человека насквозь. Помню, что меня немного смутил его взгляд. Но ты невозмутимо продолжила:

— Мне без разницы. Кто здесь последний крайний?

Тут мы увидели, что стоящую недалеко от нас старушку стали толкать и показывать на нас.

— Ой, детки, задумалась. Простите. За мной будете, — приятным голосом отозвалась она.

«Старушка из сказки», — почему-то пришла первая мысль, когда я на неё посмотрела. В белом чистеньком платочке, завязанном, как у сказочницы. Широкий синий сарафан в фиолетовую крапинку. Невысокого роста, с открытым, добрым, улыбающимся лицом. Мы встали тогда к ней поближе и стали ждать, когда подойдёт наша очередь.

«Даааа, молодёжь пошла. Последний, крайний, — не унимался вредный старичок. — Дерзят нам, старикам. Ни во что не ставят. Совести совсем нет. Да что моло-

дѣжь, — горько махнув рукой, продолжал он. — А правительство? Что это? — показал он на кассира, выдающего пенсию. — Это разве деньги? Что на них купишь? Вчера смотрели по телевизору, как губернатор живёт? — с этим вопросом он обратился в зал. — Что, на свои заработанные что ли? Воры кругом. Будь у меня ружьё, всех бы перестрелял». И со злостью он начал трясти палкой, направляя её вверх.

И зал загудел. Горечь в словах, обида, ненависть. Всё смешалось вместе. Мы молча посмотрели тогда друг на друга, в согласии кивнули головами и вышли на улицу. Посылку в тот день мы так и не получили. По дороге домой начали с тобой говорить о родителях. С момента нашего рождения мы всегда ощущали их любовь и заботу. Они работали, чтобы в доме был достаток. Папа, как мог, старался защищать нас, поддерживать. Сколько бессонных ночей мама проводила возле наших кроватей, когда кто-то из нас болел. Самый лучший и вкусный кусок доставался нам, детям. Теперь, став взрослыми, мы отвечали им тем же.

Удивительно наблюдать, как мама смотрит телевизор. «Вы видели, как он утёр нос тому-то или тому-то?» — с гордостью за президента рассказывает нам мама. Когда родители получают пенсию, мы ни разу с тобой не слышали слов обиды, недовольства. Не знаю, как сложилась жизнь у этих озлобленных стариков, почему они так и пребывают внутри себя в состоянии «час пик». Почему в одном и том же поколении людей такое разное отношение к жизни, к обстоятельствам? Почему, думая о других, мы становимся справедливыми судьями, но к своим поступкам относимся, как адвокаты, находя сотню причин себя оправдать? Почему мы начинаем жить в борьбе, а не в помощи своим родным и близким?

Может, причина в том, что, живя только для себя, для своего удобства, перестаёшь замечать радости и боль другого человека? Перестаёшь быть помощником, другом? А становишься обиженным, раздражительным судьёй, который чувствует только свою отдаленную ногу, не замечая, что держит в руках чью-то оторванную пуговицу.

Отче Наш, Сущий на небесах!

Благослови каждый мой труд. Всё, что делают мои руки дома и на работе. Пусть моя жизнь будет поддержкой для других. Прошу Тебя, во всём, что я буду делать, прославлялся Ты, Господи.

Я молюсь Тебе за моего начальника, за власти этой страны. Ты знаешь каждого. Тебе открыто праведное и неправедное в их жизни и в жизни каждого человека. Боже, Ты не поставил меня судьёй. Твоя воля, Твоё желание, чтобы я молилась за них. Прошу Тебя, Господи, пусть всякое нечестие и всякая неправда уйдёт из их жизни. Не в суде, но в милости измени их сердца. Боже, яви им Себя. Пусть Твои законы руководят их разумом и поступками. Чтобы имея страх Божий, они заботились о людях, принимая мудрые решения. Решения, которые дают будущность и надежду

Я молюсь во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Хруст под ногами

Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится. Говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю»! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится. Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты (сказал): «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим. Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к

жилищу твоему. Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспиде и василиска наступишь; топтать будешь льва и дракона. «За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его, и прославлю его; долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое»
(Ветхий Завет, Псалтирь, глава 90).

События 1992 года

Однажды ты сильно обиделась на меня. Вас с Олегом пригласили на юбилей, и ты заранее попросила меня посидеть с племянниками. Но утром я позвонила тебе и, извиняясь, сказала, что не смогу прийти. Ты не стала упрашивать, уточнять причину, а просто положила телефонную трубку. На юбилей вы всё-таки попали. Мама приехала к вам, и для неё было только в радость поиграть с любимыми внучатами. На следующий день ты сама мне позвонила и, переживая, спросила:

— У тебя всё нормально? Мама сказала, что на тебя напали.

— Да, но сейчас всё нормально, — поспешила ответить я, не желая продолжать этот неприятный разговор.

— Хорошо. Береги себя, — ты правильно меня поняла, и больше мы не говорили об этом.

Ох, уж это наше Выхино. И район неблагополучный, и сероводородом пахнет, и Капотня рядом. Но что подделаешь, кто-то родился в Майами, а кто-то в Выхино. Вернее, родились мы с тобой на Ждановской, а потом её переименовали, и стала наша Ждановская называться Выхино. Как и на всех станциях метро, рядом всегда

расположены транспортные станции. И наше Выхино не исключение. Вдоль проезжей части выстроились автобусные и троллейбусные остановки. Целый день возле каждой из них стоит длинная очередь. Подъезжает автобус, и люди медленно просачиваются в него, пробивая свои билеты. Уже заполненным, он отъезжает, и на смену ему подъезжает другой. Вереница автобусов и вереница пассажиров. И так продолжается до глубокого вечера. Но вот стрелки часов приближаются к 11 вечера, и жизнь этого спального, отдалённого от центра места постепенно замирает. Автобусы подъезжают уже с большими интервалами и долго стоят на остановках, дожидаясь последних пассажиров.

С какой бы радостью я приезжала в Выхино раньше, когда возле этой станции много людей, часто приходят автобусы. Но занятия в вечернем отделении института заканчивались строго по расписанию, и поэтому из вагона на нашей станции выходила уже достаточно поздно. Была зима. Выйдя из вагона метро и спустившись вместе с другими пассажирами по скользкой лестнице, я вышла на площадь. Автобусная остановка находилась вдалеке и, не глядя по сторонам, пошла по направлению к ней. Хруст от снега всегда завораживает. Этот звук слышишь нечасто. Его не услышишь летом, его не услышишь в шумном городе и его не услышишь, если не прислушиваешься. Наслаждаясь этим зимним звуком и радуясь, что скоро буду дома, в тепле, совершенно не заметила, как рядом со мной поравнялись два человека. Нет, это были не ангелы. И желания у них были далеко не ангельские. Каждый из них подхватил меня под локти, ноги мои оторвались от земли и повисли в воздухе. Точнее сказать, я двигалась в воздухе. А если ещё точнее, эти два незнакомца, как пушинку, несли меня к пустырю. Со стороны, скорее всего, казалось,

что три человека просто идут в одном направлении. Ночь, тишина и только хруст от ног незнакомцев.

Я попыталась сопротивляться, но мои руки были зажаты железной хваткой. Рот свободен, но словно парализован. Мне кажется, сестрёнка, что если бы они попытались прикрыть мой рот, я бы сопротивлялась, кусалась, кричала. А здесь именно от неожиданности была скованность во всём теле. И тогда я начала молиться. Вслух, тихо, спокойным голосом начала обращаться к Богу. Не помню, что тогда говорила, только помню, что это была искренняя просьба, чтобы Господь защитил и сохранил меня. И вдруг мои ноги снова почувствовали землю. «А что, мы ничего», — услышала я, и мои руки снова стали свободными. Медленно, боясь обернуться назад, начала удаляться от этих людей. Вдали увидела подъехавший автобус, и хруст снега от моих ног стал раздаваться всё чаще и чаще.

Прошли годы. Как сложилась жизнь у этих людей? Мне хочется верить, что они стали другими. Каждый из них стал любящим мужем и заботливым отцом. Почему мне так хочется в это верить? Этому учила меня ты.

События 1978–1980 гг.

Наша дача, уютный двухэтажный деревянный домик в ближайшем Подмоскowie. Сел в электричку, час в дороге, и вот уже наша станция. Выходишь на платформу и как будто попадаешь в другой мир. Высокие сосны, величественно стоящие вдоль платформы, раскачивающие своими огромными кистями. Солнце словно прячется в их верхушках, и только самые смелые лучи, пробиваясь сквозь них, ласково касаются лица. Лесная тропинка, извиваясь, убегает вдаль, туда, где расположен наш участок.

Проходит совсем немного времени, и вот папа начинает открывать нашу калитку, над которой склонились огромные кусты сирени. Проход открыт, и мы идём по утоптанной дорожке, вдыхая аромат цветов, которые так заботливо посадила мама. Папина гордость — аккуратно подстриженный газон — снова начинает зарастать. Войдя в дом, начинаем открывать окна, затапливаем печку и разбираем свои рюкзаки. И жизнь на нашей даче закипает. Папа снова косит, мама идёт на любимые грядки и начинает прополку. Мы с тобой убираемся в доме, давая бой паукам и мухам. Когда тряпки и швабры сослужили свою добрую службу, мы ставим их за дверь и начинаем готовить, стараясь успеть до того момента, как родители, уставшие, войдут в дом.

Ранней весной мы опять приехали на дачу. Также прошли по тропинке вдоль хвойного леса, подошли к калитке, открыли её и увидели разбитое окно и оторванные петли входной двери нашего домика. Немного растерявшись, папа положил ключи от двери в свой карман. Теперь они были не нужны. Он первый вошёл в дом, и под его ногами захрустели осколки оконного стекла. «Осторожно, не пораньтесь», — сказал он, открывая нараспашку входную дверь.

Единственное место, где была чистота — это были шкафы. Шкафы с пустыми полками. Вещи, все наши вещи, были разбросаны по полу. Всё перемешалось. Вещи родителей, наши с тобой, постельное бельё — всё пёстрыми разноцветными горами не лежало, а именно валялось по всему полу.

«А что же в моей комнате?» — подумала я. И когда зашла в свою когда-то чистую комнату, сердце невольно замерло. Почти все игрушки, мои друзья, лежали на полу, затоптанные грязной обувью. Рядом с книжным шкафом огромной горой лежали дорогие моему сердцу

книги. Читая их, я могла мечтать, путешествовать, представлять себя юным сорванцом или прекрасной незнакомкой. И теперь этот мой мир, мечты и грёзы, был порван и растоптан. Поднимая книгу за книгой и стряхивая с их страниц стеклянные осколки, думала: «Как странно. Есть люди, которые вокруг себя всё разрушают. Разрушают всё, к чему прикасаются. Окна можно было не бить. Чужую одежду можно было не разбрасывать в таком беспорядке, и совсем необязательно было ходить по детским игрушкам грязными ботинками. Если уж пришли воровать, возьмите. Но зачем так всё вокруг разрушать?»

Были слышны голоса родителей. Папа гневно и громко говорил, забивая при этом молотком оторванные рейки от входной двери. Мама вздыхала и что-то тихо отвечала папе. Внутри меня родился гнев, и я со злобой произнесла: «Пусть этим ворам будет плохо». Именно в тот момент ты и вошла в мою комнату. Внимательно, с болью в глазах огляделась вокруг и остановила свой взгляд на мне. «Я помогу тебе здесь всё убрать, — услышала я твой спокойный голос. — То, что они украли, мы снова купим. Но человеческая жизнь намного важнее любой, даже самой дорогой вещи. Не желай им зла, сестрёнка».

С того времени прошло много лет. Воров так и не нашли. Мы всё смогли убрать, постирать, заклеить и восстановить. Но тогда, стоя в своей комнате, утирая слёзы и слушая твои слова, я получила огромный урок в своей жизни. «Я, маленькая девочка, буду поступать чище и порядочнее, чем эти люди. Я прощаю их за всё зло, что они сделали. Я прощаю их за мои раздавленные игрушки и порванные книжки. Я прощаю их, прощаю их», — вначале заставляла себя это произносить, стараясь не смотреть по сторонам. Потом всё

легче и увереннее, уже от искреннего сердца, слова стали честными.

Став взрослее, часто раздумывала над твоими словами. Сколько людей, которые сидели в тюрьмах за свои преступления, изменили свои жизни! Это трудно понять, осмыслить. Но мне хочется верить, что кто-то когда-то простил их и стал просить у Бога милости для них.

Отче наш, Сущий на небесах!

Когда Иисуса избивали и распинали, Он, прощая этих людей, просил у Тебя: «Прости им, ибо не ведают, что творят». Прошу, дай такое же сердце, как у Тебя. Прошу, исцели и очисти моё сердце от всякого непощения и боли. Я прощаю этого человека. Прощаю всё, что он сделал плохого в моей жизни.

Прошу Тебя, Господи, дай ему осознать и оставить всякое зло, какое он причинил мне и другим людям. Пусть в его жизнь придёт Твоё спасение и Твоя жизнь!

Я верю, что Ты слышишь и отвечаешь. Ведь я молилась Тебе во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Эпилог

Как же всё-таки быстро течёт время. Только недавно мы лепили с тобой снеговиков и катались на санках. А теперь с улыбкой смотрим, как это делают другие дети. Только недавно мы учились в школе, а теперь наши дети заканчивают обучение в институте. Внутри себя мы всё те же молодые, полные идей и планов люди. Что-то мы делаем сами и легко с этим справляемся, получая от этого удовлетворение. В чём-то уступаем нашим детям, доверяя им и радуясь их успехам. Я очень хочу каждый день быть нужной и полезной кому-то. Не мешать, не ворчать. А именно помогать, поддерживать. Пока живу, пока дышу.

Медленно, минута за минутой, час за часом стрелки часов подошли к позднему вечеру. Я рада, что смогла

сегодня написать тебе это письмо, сестрёнка. Спасибо, что ты дочитала его до конца.

И вот о чём я думаю сейчас. Рано или поздно, но сердце каждого человека перестанет биться. Каждый из нас без паспорта и денег отправится в вечность. И если Бога нет, то какая разница, верил человек в это или нет! Отправившись в вечность, он ничего не потеряет. Но если Бог всё-таки есть, а я, живя, не искала Его, Я ПОТЕРЯЮ ВСЁ!

Молитва покаяния

Отче Наш, Сущий на небесах!

Я верю, что Иисус Христос родился на этой земле от Девы Марии для моего спасения. Что Он отдал Свою жизнь, чтобы я был жив. Я верю, что Иисус Христос уже понёс наказание за каждый грех, совершенный мною.

Прошу Тебя, прости все мои грехи и очисти душу мою от всякой неправды.

Иисус, войди в моё сердце, очисти меня. Будь моим Спасителем и Пастырем. Руководи моей жизнью. Я исповедую Тебя, Иисус Христос, своим Господом и Спасителем.

Благодарю Тебя за то, что Ты слышишь молитву и отвечаешь. Я верю принимаю Твоё спасение.

Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Аминь.

Местная религиозная организация евангельских христиан "Христианская миссия "Триада".
Юридический адрес: 107023, Москва, ул. Электрозаводская, 24. Адрес для почтовых отправлений:
101000, Москва, а/я 371. ОГРН 1037739275265, ИНН 7729101666, тел. 8 (495)9635479. Свидетельство о
регистрации религиозной организации: Местная религиозная организация евангельских христиан
"Христианская миссия "Триада". Свидетельство о государственной регистрации религиозной орга-
низации от 29 декабря 1999 г. № 1098 выдано Главным управлением юстиции г. Москвы Министерст-
ва юстиции Российской Федерации. Запись о некоммерческой организации внесена в ЕГРЮЛ
29.01.2003 за основным государственным регистрационным номером 1037739275265. Учетный номер
свидетельства о регистрации 77 № 007126164.

